

A painting of a room with a wooden floor covered in apples, a white chair by a window, and a basket of apples. The scene is lit with warm, golden light, suggesting a late afternoon or early morning. The walls are a faded green, and the window looks out onto a lush green landscape. The overall mood is one of quiet domesticity and the abundance of harvest.

Дом Пропахший Яблоками

Ольга
Теплинская

Ольга Теплинская

Дом, пропахший яблоками

«Автор»

2025

Теплинская О.

Дом, пропахший яблоками / О. Теплинская — «Автор», 2025

Все девчонки хотят замуж, детей и дом. Ну, еще собаку, что вздыхает под столом, когда семейство дает интервью популярной программе. Хотела этого и Вика. Ведь не зря же муж с блеском вел все школьные вечера и концерты и с легкостью поступил в театральный институт на Моховой. Казалось, в Каннах уже готовят красную дорожку талантливому актеру. Всем так казалось, но у судьбы свой сценарий. И как выстоять, как утешить непризнанного гения? А тут еще институт, в котором работала, закрыли. Где найти силы? Может, в старом доме...

© Теплинская О., 2025

© Автор, 2025

Ольга Теплинская

Дом, пропахший яблоками

Старый дом весь пропах яблоками. Казалось, этот запах никогда уже не выветрится из его деревянных пор. Яблоки буквально заполонили весь дом. Ими были наполнены все имеющиеся ящики, корзины, старые дырявые ведра; они лежали на подоконниках, под кроватями и просто в углах комнат...

Бабушка варила из яблок варенье в огромном тазу, сушила их, мочила в больших деревянных кадках, – а они все не заканчивались. Их даже становилось больше, так, по крайней мере, казалось.

...Я знаю, сегодня у нас будет много народа. Сегодня мой день рождения. Приедут родители. Папа будет шептать мне на ухо, что очень любит меня и скучает, от горячих маминых слез намочит моя рубашка, а братишка сунет мне в руку своего любимого солдатика или машинку. Правда, потом он заберет свой подарок, когда будет уезжать...

– ... на этом наш выпуск подошел к концу, я желаю всем спокойной ночи!

– Стоп. Конец эфира. Микрофон. Всем спасибо.

– Вика, зайди сейчас ко мне, – крикнул Сыч.

– Борис Борисыч, я тороплюсь. До завтра не подождет? – Виктория поджала губы, как всегда делала, когда что – то шло не так, как она планировала.

– Сейчас ко мне! – Борис Борисыч чуть повысил голос, что было плохим признаком.

В студии наступила тишина, все опустили глаза, стараясь не смотреть в сторону телеведущей. Словно заранее отгораживаясь от нее. Мало ли зачем ее так срочно вызывает хозяин?

«Коллеги!» – фыркнула про себя Вика и, застегнув пуговицу на блузке, заспешила по гулкому пустому коридору.

– Борис Брисыч, ну что так срочно? – Начала она уставшим голосом. – Мы сегодня и так работали в аврале. За пять минут до прямого эфира репортаж сняли. С этой аварией все новости потеряли свою остроту. Разве можно сравнивать: аварию, в которой пострадал известный актер и ограбление старушки в ленинградской области. Ну, зачем ты меня вызывал?

– У тебя что – то случилось? – глядя на красавицу ведущую, спросил шеф, устраивая свое грузное тело в старом продавленном кресле.

Всю мебель в его кабинете недавно заменили новой, модной и неудобной. Свое любимое кресло он отстаивал, как раненый тигр добычу: с рычанием и слезами, поругавшись с дизайнером, которого пригласили специально, чтобы создать новый образ телевизионному каналу.

– Нет! – пожалала она плечами. – Все как всегда, без перемен и улучшений.

– Муж?

– Муж заботлив и нежен. Сын послушен и прилежен. Ой, прямо стихами заговорила. А это говорит о чем? О том, что женщина счастлива.

Она сделала на своем лице улыбку, забыв про глаза. Ее потрясающие зеленые глаза остались грустными, с каплями тревоги или испуга. Ну, не любила Вика Козлова делить свои горести с посторонними. Вот радость – пожалуйста, а беды оставляла себе. Так спокойней. А то мало ли, кто захочет поковырять душевные раны.

– Если у тебя все прекрасно, то почему я этого не вижу? Картинка это не показывает, зрители не верят! Ты уже устала быть лицом канала?

Его тихий и вкрадчивый голос совсем не понравился Виктории. Уж, лучше бы он кричал и топал ногами.

– Борис Борисыч, не сердитесь! Завтра я сделаю вам лицо. Ну, и потом, не могу же я нести оптимизм с экрана, читая такие скорбные новости про любимого всеми артиста. Я, можно сказать, пропускаю эту боль через себя. Я, правда, была потрясена этим известием, да все в студии в шоке находились.

– Ну, допустим, сегодня ты была в шоке вместе со всей страной. А вчера, а неделю назад? Я каждый вечер давал тебе еще один шанс, входил в положение, находил оправдания, но и моему терпению пришел конец. Мне не нужна ведущая с постным выражением лица. У нас не такой канал. Ты поняла меня? – он попытался выбраться из обнимавшего его кресла, но это было уже не так просто.

Руки упирались в массивные подлокотники, ноги в модных красных мокасинах, так не идущие к его комичной фигуре, ерзали по скользкому ламинату, а расплывшееся тело оставалось в тисках кресла.

Вика оставалась серьезной, даже не пытаясь улыбнуться. А Борис Борисыч не отрывал от нее своих глаз, увеличенных диоптрией очков в тяжелой оправе. Если бы она сейчас улыбнулась или, еще хуже, засмеялась над его потугами, он бы завтра ее уволил, но, кажется, у нее действительно что – то происходит.

Вика отвела взгляд от начальника и посмотрела в темное окно. Сентябрь кончается, и лето так быстро проскочило, она и не заметила. Оно всегда быстро пробегает, а в этом году особенно. И любимые белые ночи почти не порадовали. Весь июнь лили дожди, и небо все время было укрыто тучами.

А Борис Борисыч или Сыч, как называли его все сотрудники, как всегда прав. Сколько можно жить в этом постоянном напряжении? Пора уже что – то решать. Как всегда принимать важное решение должна она. Так уж повелось. А потом за спиной будет слышен осуждающий шепот. Со стороны так просто все осуждать, не вникая в подробности! А как приятно осуждать того, кто вызывает зависть! Акела промахнулся – это же радость на все джунгли!

Надо было послушать ту тетушку, (как ее звали?) которая в день свадьбы умоляла не ломать свою судьбу, не выходить замуж за Виталия. (Может, и жизнь по-другому бы сложилась.) Вот так просто подошла к сияющей невесте и выдала:

– Не ломай судьбу, дочка! Не выходи за него!

Вика и сама понимала, что не сможет жить спокойным счастьем, о котором она всегда мечтала с Виталей, но как откажешься, когда все подружки от зависти плакали, и родители последние деньги в свадьбу вбухали. Вот и держала лицо счастливой невесты до последнего.

А он все уговаривал ее, словно не замечая ничего вокруг, что жить они будут долго и счастливо, и только так, он это чувствует и знает. И ей так хотелось верить....

– Виктория, что ты застыла? Иди уже! – Сыч выбрался из своего плена, и теперь красный и пыхтящий глядел на нее исподлобья.

Вика вздрогнула, вспомнив тот злополучный вечер с пыхтящим начальником. Думала тогда, что никогда не сможет отмыться. Но вот живет, общается, даже шутит с ним. Получилось, как получилось. Работает «лицом канала» уже шестой год. Как же тогда радовался их дружный молодой коллектив, когда Сыч объявил на планерке, что Виктория, на его взгляд, самая подходящая кандидатура на роль ведущей.

Как же на душе- то плохо? И воспоминания о плохом сразу всплывают на поверхность. Муж, сын, работа, все любимое, все стабильное. Но горе перевешивает все эти декорации красивой жизни. Дом за городом, квартира в новом доме – элитное жилье, – как сейчас принято говорить. Маленький уютный домик на Кипре – семейная гордость. Как любит вернуть супруг в компаниях: «Да, сгоняли на пять дней к себе на Кипр, погрелись на солнышке. Свою недвижимость надо посещать иногда, а то она обижается». И слушает потом с торжеством в глазах, как замолкают в немой зависти окружающие.

Сколько раз Вика отчитывала его:

– Ну, зачем людей злить? И так время такое, когда человек человеку волк, а ты еще масло в огонь подливаешь.

– А чего мне стыдиться? Я на этот домик сам заработал. Купил его для своей любимой семьи. Имею право! А народ, чем завидовать, тоже бы стремился к своему светлому будущему.

– Может, им это не надо?

– А раз не надо, так пусть тогда и не завидуют.

Спорить с ним было бесполезно. Он всегда выходил из каждого спора победителем. Обладавая даром убеждения и чувством юмора, что было изумительным сочетанием. И не обидит никого и в своей истине убедит с улыбкой. А человек еще ему благодарен оставался, что совет хороший получил.

Супруг любил, когда у него всего было много. Неважно чего: костюмов, обуви, часов, гаджетов на все случаи жизни, запасов вина, виски. Он всегда и во всем старался быть первым, иметь все самое лучшее и Вику к этому подтягивал.

– Ты же у меня звезда? А звезды должны блистать на небосводе, – говорил он, поднося ей очередную бархатную коробочку с ювелирным украшением.

– Ну и куда я в этом пойду? В эфир нельзя, у народа настроение портится, разве что перед тобой дома блистать.

– Блести, блести, Викуля! Нужен тебе выход в свет – будет тебе выход.

И он каждый раз ухитрялся доставать пригласительные на статусные вечеринки, громкие премьеры или открытия интересных выставок. Вика не любила такие выходы, считала их пустой тратой времени, но муж получал истинное удовольствие, демонстрируя себя и свою блистательную супругу народу.

А Вика ежилась под людскими взглядами и вспышками фотокамер и мечтала удрать домой, надеть старую пижаму и залезть с ногами в большое кресло, прихватив интересную книгу. И еще не так давно и мужу нужен был лишь семейный уют и она, Вика. Когда он успел измениться?

Господи, ну как я могу принять решение, которое ждет от меня доктор? – вернулась Вика к своим грустным мыслям, что мучили ее постоянно. – Это же настоящая пытка! Может, послушать бабушку? Она всегда права!

Они решили пожениться сразу после школы. Казалось, по – другому, просто и быть не должно. Вика была, как говорили, статной, как и все женщины в их роду. Высокая, стройная с длинными ногами и густыми волосами цвета темной меди, которые она всегда коротко стригла – «под мальчика». А ее зеленые, чуть раскосые глаза, Виталий называл русалочьими. (Правда, сама Вика себя красавицей не считала). Сам он был атлетически сложен, немного томен, как и положено быть герою – любовнику и просто искрился своим талантом. Когда он читал стихи, то многие учителя сбегались его послушать. Он блистательно вел все школьные концерты и вечера. Выступал на праздниках и все пророчили ему светлое будущее, театральные подмостки и свет софитов. Вот только их союз с Викой, точнее дружбу, мало кто одобрял.

Ее мама вздыхала и ничего не говорила, но вздыхала выразительно, поджимая губы и опуская грустные глаза. Его мама не скрывала, что женитьба для карьеры сына нежелательна и обременительна. Она уже видела его на красной дорожке в Каннах, рядом с собой, разумеется. И никаких жен и детей быть рядом с таким красавцем не должно. Пока, во всяком случае. Она собирается оберегать его жизнь, судьбу и талант. Только мать сможет сделать это лучше всех. С этим фактом никто спорить не собирался.

Да и Вика не собиралась. Ей просто было хорошо рядом с ним и казалось, что именно так все и должно быть. Но Виталий непременно настаивал на свадьбе. То ли проявляя, таким образом, характер, то ли пытаясь воздействовать на строгую мать своей непокорностью. Не желая и в своей самостоятельной жизни ощущать ее пристальное внимание.

Свадьба состоялась после вступительных экзаменов. Виталий поступил в институт кинематографии, о чем и мечтал, а Вика поступила в педагогический. Без особого трепета и желания. Но надо было доказать будущей свекрови, что она достойна ее гениального сына.

Отметили скромно. Мама плакала, бабушка, приехавшая из ленинградской области, грустно качала головой, глядя на жениха с невестой. Молодежь пыталась веселиться, но все чувствовали родительскую грусть и веселья не получалось. Даже крики «Горько!» звучали приглушенно и как – то просительно, словно человек заранее просил прощение за сказанную глупость.

– Викуля, девочка моя, зачем тебе этот павлин? Он же только собой любит, а жених на свадьбе должен от невесты глаз не отрывать. – Бабуля тихо подошла к одиноко сидевшей Вике, и положила ей на оголенное плечико свою тяжелую руку.

– Ба, но хоть ты поддержи меня! Ты же всегда была моим другом и будешь им... Смотри – моя мама слезы глотает, Виталькина вообще не стесняется – рыдает, словно на похороны явилась. Ну, почему никто не верит, что мы любим друг друга? Это на всю жизнь, я знаю, бабуля!

– Да, кто же может такое знать, глупышка моя? А матери плачут, потому что не верят в ваше счастье.

– Нет, ну это нормально такие вещи на свадьбе слышать да еще от родного человека? Ты же меня обижаешь! Вот назло всем буду счастливой, вот увидите!

– Разве можно назло стать счастливой? Живи, девочка, радуйся, а там, как будет. Никто наперед ничего знать не может.

– Когда любишь, уже счастлив! Я это знаю! – совсем тихо прошептала Вика, в спину уходящей бабули.

Молодых поселили в небольшой квартирке, оставшейся маме Виталия от деда. Квартиру эту мама сдавала, и следы проживания чужих людей были на лицо: мебель поломана и продавлена, на грязных окнах выгоревшие занавески, в ванну вообще было лучше не заходить. И как тут вить уютное гнездышко? Друзей приглашать было стыдно, а жить противно. Первое время муж с женой решили жить отдельно, каждый у своей мамы. Свекровь поджимала губы, когда Вика приходила навестить мужа, ворчала: «Я же вам отдала квартиру! У кого из ваших ровесников в двадцать лет свое жилье? И вы ни копейки за него не заплатили, да еще и у меня небольшой доход отняли. А ремонтик своими руками можете сделать, не बारे».

Вика нападки терпела, но где взять денег на те, же обои пока придумать не могла. Мама и так последнее на свадьбу дала.

Бабуля вновь пришла на помощь, как делала это всегда. Приехала из своей деревни с тряпками, ведрами, какими – то нелепыми занавесками в мелкий цветочек. Обои купили в соседнем магазине. За три дня Вика с бабушкой привели квартиру в порядок: отмыли, очистили от грязи и хлама, поклеили обои и в завершении всех чудес, раздался звонок в дверь. Вечером два грузчика привезли новый диван, который заказала мама.

«Вот теперь и начнется моя новая счастливая жизнь!» – ликовала Вика.

Но новый диван осчастливить не может. Постоянно чего-то не хватало. Для Виталия главное – была одежда. Он тратил на нее все деньги. И раздражался, когда Вика обижалась.

– Я должен быть в центре всего. В том числе и моды. Я – товар. А товар покупается только когда он красивый.

– Ну, почему только красивый? Товар бывает и просто нужным. Мне всегда казалось, что талантливый актер сможет сыграть любой материал. Твоего друга Сашку пригласили на съемки в сериал про разведчиков. А он был совсем не модный, скорее наоборот. – Произнесла Вика и сразу же пожалела об этом.

Виталий буквально взвился. Сначала в Вику полетела подушка, потом на пол с дребезгом последовала любимая чашка. Вика хотела подойти к любимому и попросить прощение, но любимый уже выскочил из квартиры, схватив с вешалки новую куртку.

– Ну, зачем я это сказала? Виталик и так переживает.

В то утро им было так хорошо вместе. Новый диван оказался необыкновенно удобным, и они всю ночь занимались на нем любовью. А утром ходили по квартире голыми и смеялись без всякой причины.

– Ты же опоздаешь в институт, а я на работу.

– А давай сегодня прогуляем. Ну, хотя бы первую пару. Мне так хорошо с тобой у нас дома.

И Вика ликовала, Виталий впервые произнес «у нас дома»! Значит, он поверил в их семью, а Вика все сомневалась: правильно ли они сделали, что поженились и не мешает ли она Виталику своим присутствием.

Но в то утро в институт пришла помощник режиссера, отбирать юношей для съемок в новом фильме. Это всегда было событием и об этом каким-то образом студенты знали заранее, а в тот день все пошло не так. Информация не просочилась. Помощница пришла неожиданно, отобрала троих ребят с их курса, а Сашку через неделю утвердили на одну из ведущих ролей.

Виталий переживал это болезненно, словно его предали. Он метался по городу, как раненый слон. Бродил вокруг Ленфильма, искал кастинги, но все было впустую. Такие чудеса, как случились с Сашкой, были лимитированы и свой шанс Виталий упустил. В то, что его могли просто не отобрать или не утвердить, он слышать не хотел. Так и ходил с раной в душе, которую с мазохизмом ковырял каждый день, страдая.

Вика из института ушла. Точнее осталась в нем только работать. Совмещать работу, учебу и заботу о любимом муже было тяжело. Она бралась за любые подработки и верила, что со следующего года возобновит учебу. А то как же она такая необразованная, да рядом с заслуженным артистом. Она уже видела себя, дающей интервью в передаче «Пока все дома». Они с Виталей сидят в своем доме за круглым столом. Рядом двое красивых детей, читающих стихи на камеру. Под столом бродит пес.

От этой красивой картинке замирало сердце и когда после окончания института Виталия пригласили на главную роль в фильме-сказке, все решили, что удача одарила гения своей улыбкой, взяла за руку и теперь поведет их всех по жизни, обходя кочки и ухабы.

В экспедицию Вика собирала мужа с радостью. Но надо было купить приличное приданное и чемодан, который стоил целое состояние. Об обычном чемодане муж слышать не хотел.

– Пойми, крошка, у меня же главная роль и жить я буду не в палатке, а в номере отеля. Ну, не с рюкзаком же мне ехать. Надо привыкать к красивой жизни. А потом, не забывай, я же заработаю кучу денег. Поедем с тобой на французскую Ривьеру. В Биоритц. Хочешь в Биоритц? – закружил Виталий жену в объятиях.

Вика со вздохом отдала за чемодан весь аванс, решив, что полмесяца она будет питаться одна и на крупах вполне сможет прожить спокойно.

– Я, наверное, даже смогу к тебе приехать? – задумчиво произнесла она, глядя на мелкий дождик за окном.

– Ты что? Хочешь, чтобы обо мне пошла слава, что Виталий Козлов ездит на съемки с ревнивой женой, которая закатывает ему скандалы? – Каким-то чужим голосом прошипел муж.

– Ты что, Виталя, когда же я тебе скандалы закатывала? – обиделась Вика.

– А ты будешь ходить с табличкой на груди: «Скандалы не закатываю, не ревнива?» Пока разберутся, а слава то впереди бежит. Нет категорически. Если ты желаешь мне добра, то даже не думай. Ты будешь меня смущать, и я не смогу настроиться на правильный лад.

И Вика осталась, хотя ей так хотелось оказаться рядом с любимым. Среди пальм, гор и моря, где проходили съемки, среди съемочной группы, этой будничной и в то же время,

праздничной суеты. Она бы сидела в самом дальнем уголке и даже дышала через раз, а к своему Виталику не приближалась в течение всего дня. Но раз муж сказал: сидеть дома, значить она будет сидеть дома.

– Теперь все изменится, Вика! Вот увидишь! Когда я вернусь, у нас все пойдет по-другому. Веришь? – посмотрел он в заплаканные глаза.

– Верю. Я всегда тебе верю.

– И я это очень ценю, детка!

Сказано это было как-то очень пафосно, словно Виталик уже начал репетировать роль.

Не успела Вика проводить мужа, как почувствовала, что начались изменения. Сначала она испугалась этих изменений. Они были абсолютными и необратимыми. То есть их нельзя было отменить или отсрочить. А надо было определенно точно решать: нужны ли они молодой семье Козловых? И думать над этим должны двое, так, по – крайней мере, казалось Вике. Это должно быть честно.

Но чем больше Вика над этим думала, тем больше утверждалась в мысли, что она и сама может принять решение. Она уже любила его, это изменение.

«Мы же можем себе это позволить! Виталик теперь будет сниматься. Он обязательно будет, как сейчас говорят, востребованный. Его талант заметят режиссеры, просто не могут не заметить. А если будут съемки, то будут и деньги, и тогда не надо будет думать о подработках. И можно спокойно растить детей. Виталика обрадует эта новость. Не может не обрадовать. Семья должна быть с детьми. Со своих съемок он придет счастливый, а счастливый человек все новости принимает спокойно.

Виталик приехал через четыре месяца. Через долгих и мучительных четыре месяца. Сначала он звонил часто, почти каждый вечер и говорил, как устает, как трудно идут съемки, как тяжело играть на жаре в нелепом костюме.

– Виталенька, но это же кино, о котором ты так мечтал и у тебя главная роль. Потерпи немного, мой хороший. Тернист путь к славе.

Вика не знала, как надо утешать гениев, у нее пока не было такого опыта. Но уже поняла, что жизнь легкой не будет. Гений – он же, как ребенок, только более капризный и непредсказуемый.

Гений приехал неожиданно. Без звонка и предупреждения. Просто однажды утром открыл дверь своим ключом и вошел в комнату, где еще спала Вика.

– Привет, жена! – каким-то чужим голосом проговорил супруг.

– Виталька!

Вика неуклюже выбралась из-под одеяла, и повисла на шее у мужа.

– Ты почему не позвонил? Я же собиралась встретить тебя на вокзале с цветами.

– Еще успеешь.

– Ну, как съемки? Расскажи мне! Мне так интересно! Если бы ты знал, сколько раз я хотела к тебе приехать. Ну, просто сдерживала себя из последних сил. А ты куда? – удивилась Вика, когда заметила, что муж собирается уходить.

– Съемки еще не закончились. Теперь мы будем снимать в павильонах, мне надо на работу.

– И ты даже не позавтракаешь дома?

– На студии поем. Кстати, где наши деньги? – Виталий открыл пустую коробку, в которую Вика складывала свою зарплату.

– Старые кончились, а новых еще не дали, задерживают. А вам тоже не платят?

– И что мне делать? – Оставил без ответа вопрос жены Виталий. – Как без денег по Питеру передвигаться?

– Я могу дать тебе свой проездной. Я сейчас больше пешком хожу.

– Тебе полезно, – бросил Виталий недобрую фразу, кивнув на расплывшуюся талию жены.

У Вики на глаза навернулись слезы. В последнее время они часто ее навещали по разным поводам. И от сентиментального фильма, и от жизнерадостного малыша, гуляющего с мамой, и от медленно бредущей старушки, и даже от радуги в небе. Слезы приходили так быстро, что Вика не успевала взять себя в руки и только смахивала их платком.

– Ах, увольте меня от ваших слез, мадам! – Театрально вскинув голову, проговорил Виталий и вышел, хлопнул дверью.

– Ну, первый дубль не вышел, – прошептала Вика.

В институте, где работала Вика, не оставляя надежду продолжить обучение, было гулко и нервно. Народ, разбившись на многочисленные кучки, что-то оживленно обсуждал. Сотрудники и студенты с испуганными лицами толпились на улице и в коридорах.

– Люди, у нас пожар или к нам едет ревизор? – улыбнулась Вика.

– Ты что, не в курсе? – подлетела к ней секретарь кафедры Людочка, цокая острыми каблукками.

– А в курсе чего я должна быть?

– Ну, да, ты в последнее время все в облаках витала, на нашу грешную землю редко спускалась, – ехидно прищурила накрашенные глаза Люда.

– Люд, в чем дело? – нахмурилась Вика.

– Ну, слушай, только не убивай за плохие вести. Наш институт, а точнее университет, приказал долго жить.

– Люда, что за ерунду ты говоришь?

– Козлова, с тобой трудно, – отошла на шаг Люда, чтобы лучше рассмотреть Вику.

А Вика еще раз восхитилась Людиной фигурой, умело подчеркнутой модным платьем с широким поясом. Ах, если бы и она, Вика могла так подчеркнуть свою тонкую талию, если бы она у нее была или надеть узкие джинсы и встать на такие вот каблукки. Но ничем из того, что привлекает мужчин, Вика не обладала. Разве что высоким ростом и прямой спиной. Но это было скорее недостатком.

– Виктория, ты опять улетела? Или тебе не интересно, что с завтрашнего числа на работу никто не выходит?

– Как это? А куда нам надо выходить? – улыбнулась Вика.

– А куда! – развела в стороны красивые руки Людочка.

– Людмила, ну что ты такое говоришь?

– Правду я говорю, – устало села на стул Людочка. – Ректор наш гениальный сбежал, бросив нас на произвол судьбы. Лицензию нам не продлили и сотрудники, как и многочисленные студенты, могут быть абсолютно свободны. А так как ректор прихватил с собой все наши деньги, то и выходное пособие никому не светит.

– Многовато неприятностей для одного утра.

Людочка выбежала, думая, кто еще может быть не в курсе происходящего. Ей нравилось сообщать вот такие, выбивающие из привычной колеи вести, наблюдая, как меняются в лице люди. Как расширяются от ужаса глаза и начинают дрожать руки. За спиной у Людочки был крепкий тыл из обеспеченных родителей и весьма состоятельного жениха. Работать она не любила, но как объявить близким об этом не знала, а в таких обстоятельствах можно было смело менять образ жизни, не вызывая удивление родных и жениха.

А Вика осталась сидеть за своим столом, не представляя, как будет жить дальше.

– Викуль, вот ты где, а я тебя ищу! – в комнату заглянула Маргарита Сергеевна – преподаватель кафедры философии. – Ты что такая задумчивая?

– Да мне сейчас Людочка про институт наш поведала. Думаю, как теперь выживать.

- Ну, тебе проще, ты замужем. Муж твой в этом году, кажется, институт окончил?
- Да. И его даже в кино пригласили, – просияла Вика.
- Ну, вот, видишь, как хорошо! А ты хмуришься.
- Да я сама хотела в наш институт восстанавливаться, я же не доучилась.
- Нашла о чем печалиться. Институт наш не зря лицензии лишили. Так себе образование было. И дипломы наши, скажу по секрету, не котировались на рынках труда.
- Ну, все-таки, высшее образование.
- Все к лучшему, Викуля. Я уже давно хотела бросать эту лавочку, да все медлила. Студентов только жаль, без вины пострадали. Я вот что хотела тебе предложить: не хочешь на новое телевидение поработать? Один мой знакомый решил канал запустить.
- Кем? Диктором? – ужаснулась Вика.
- Нет, – рассмеялась Маргарита Сергеевна, отчего Вике тоже стало смешно. – В редакции. Подводки писать. Сюжеты обрабатывать. Ты же пишешь превосходно, я знаю.
- Маргариточка Сергеевна, а почему я? У меня же ни диплома, ни образования?
- У тебя талант и амбиций нет. А это в новом деле то, что нужно! Но сразу предупреждаю: денег пока платят мало, рабочий день ненормированный. Справишься? Только собеседование пройти надо, а то я наговорила тебе. Но последнее слово тут не за мной. Согласна?
- Вы еще спрашиваете? Вы – моя фея!
- Ладно, Викуля, собирай свои вещи и скажи всем до свидания!
- А вы, куда пойдете работать?
- Я уезжаю с мужем в теплые края. Надоела нам питерская слякоть. Будем там внуков растить. Мы давно планировали, да все дела, какие-то мешали. А тут и домик подвернулся симпатичный и с делами муж разобрался. Все к одному. Ну, так я даю твой номер?
- Конечно! А я в любое время приду, как они скажут.
- Да, Викуль, ты особо там своей заинтересованности не показывай. А то увидят, что тебе работа эта нужна, и сразу начнут цену сбавлять, условия ставить. Будь уверенней в себе.
- Буду, спасибо, Маргарита Сергеевна!
- Вика собрала в пакет свои блокнотики, чашку и фото рамку, где они с Виталей стояли, обнявшись на фоне голубого неба, и были счастливы. И Вика, каждый раз глядя на это фото, хотела туда вернуться, но все не получалось. Вещей набралось немного и Вика в последний раз пошла по широким коридорам нового корпуса института.
- И ни институт это вовсе, а вообще черте что! – шумели одни.
- Надо же было так вляпаться, – вторили другие.
- В Университет шли бы, в Ломоносова!
- Туда поступишь!
- Погнались за пустышкой, а что теперь с дипломом?
- Да, студентов было жаль больше всего. Если сотрудники как-то могли устроиться, то эти бедняги остались у разбитого корыта.

Вечером Вика все думала, как сообщить эту новость мужу. Правда, мужа все не было и Вика так и уснула, не придя к нужному решению, прикрытая пледом. Муж пришел только утром, пропахший табачным дымом и еще чем-то горьким и терпким.

По его красным глазам и хмурому виду, Вика поняла, что свои новости лучше пока не рассказывать, прибегать до лучшего момента. Она поднялась и пошла варить кашу.

– Вот предложат мне работу, тогда и скажу ему все сразу. Целых две радостных новости будет.

– Мне надо снова уехать, – отводя глаза, промолвил муж.

– Ты же говорил, что теперь будете снимать в павильоне?

– Так мне казалось. Но я себе не принадлежу, – рассматривал кашу Виталий.

- Ну, если надо, то конечно поезжай. Только денег пока нет...
- Да, ладно, перебыюсь как-нибудь.
- А мне отпуск дали. Я хотела к бабушке в деревню уехать. Ты не против?
- А когда ты отпускные получишь? – оторвал взгляд от каши муж.
- Без отпускных, к сожалению. Позже выдадут.

На том и расстались. Вика переживала, что так и не расспросила Виталика о его первых съемках, о Крыме, где снимали сказку, о его партнерах. Но она понимала, что муж меняется. Он становится другим, взрослым, ответственным мужчиной. Он погружается в роль, как делают все великие актеры и ему не надо мешать своей глупой болтовней. Я поддерживаю его во всем. Да, надо срочно ехать к бабушке, а то столько на меня всего навалилось.

Небольшая деревня Горемыкино, где жила бабушка, чудом сохранилась в своем первоизданном виде, не обросла коттеджами за высокими заборами, не заполнилась дачниками с многочисленными детьми и собаками. В деревне мирно доживали свой век с два десятка семей. В основном пожилой люд, но была и пятидесятилетняя молодежь. Деревня стояла в стороне от главных дорог, окруженная лесом и мелководной речушкой, до ближайшего озера километров десять. К ней тянулась лишь пробитая немногочисленными машинами грунтовая дорога. Летом доехать было еще терпимо, правда, от пыли можно было задохнуться, если не повязать лицо влажным платком, а вот в осеннюю или весеннюю распутицу проселочной дорогой лучше было не пользоваться.

Местные и не пользовались. Даже болеть боялись, – не проходила скорая в Горемыкино. Единственный магазин – «супермаркет», как гордо гласила вывеска, в распутицу закрывался – торговать было нечем. Но при всем при этом, местные жители отличались веселым нравом и доброжелательностью. Даже пьющих мужиков в деревне не было. Что, уж, совсем удивительно. Воздух, что ли этому способствовал?

И Вика каждый раз удивлялось, как и у нее улучшается настроение, проходит грусть и появляется легкость на сердце.

Выйдя из рейсового автобуса, Вика сняла свои балетки и пошла через лес, утопая в мягкой дорожной пыли, стараясь ступать осторожно. Лето кончилось, но дни еще стояли теплые, сухие, листва на деревьях и не думала желтеть. В молчаливом лесу усердно выстукивал дятел, поскрипывали высокие сосны.

– Может, осени в этом году не будет? Зайдет какой-нибудь циклон и не пустит холодный воздух? – мечтала дорогой Вика, наслаждаясь уютным теплом и дыханием леса.

Бабушка хлопотала в своем огороде. Где каждая грядка была, как с обложки журнала «Мой прекрасный сад». Все прополото, аккуратно посажено. Яркие цветы соседствуют с красивыми овощами. Старые яблони клонят до земли свои ветви, усыпанные крупными яблоками. И хочется тут же понюхать, сорвать и съесть, брызнув кисло-сладким соком.

– Бабуль! – Тихо окликнула Вика.

– Вот это сюрприз, Викуля! – Аглая Тихоновна выпрямила ровную спину, убрала с лица густые пряди темных волос, где лишь проглядывала седина. – А ты одна, что ли, без мужа?

– Виталик в картине снимается. Скоро его в кино пойдем смотреть!

– О, как! – То ли одобрила, то ли удивилась бабушка.

– А я к тебе на пару деньков. В отпуск пошла.

– Да, что ж на пару то? Оставайся на весь. Отдохнуть тебе надо, внучка. Вон, бледненькая какая. Для ребеночка это нехорошо.

– Бабуль, а ты как поняла? – удивилась Вика.

– Да, что ж тут понимать, когда все и так видно? А муж твой, думаю так еще и не понял?

– Ну, не говорила ему еще. У него сейчас съемки важные. Не надо ему волноваться.

– Твое дело, – отвернулась бабушка. – Но, что это за мужик такой, если к его настроению надо подстраиваться, чтобы радостную новость сообщить. Да мой Коленька на всю деревню пел, когда я ему про ребеночка сказала.

– Бабуль, дедушка уникальный человек был. Сейчас таких не делают.

– Так и искала бы такого, как дед твой.

Вика чувствовала, как в глазах закипают слезы, готовые пролиться обидой. Ехала полдня в деревню, думала, встреча будет радостной, душа согреется в родном тепле, а тут выговоры.

Первой мыслью было развернуться и тут же уехать, но вот уже шершавые ладони прижали к себе внучку, сухие губы зашептали что-то быстро и неразборчиво в макушку, слегка покачивая, как маленькую, и отпустила обида, растаяла без следа, наполнив сердце нежностью.

– Наладится все. Куда ж оно денется? Ты спи, Викушка, спи, тебе сейчас силы надо беречь. Пригодятся еще силы. И я помогу, чем смогу, в трудностях не оставлю. Вырастим твою дочку.

– Бабуль, а почему ты думаешь, что девочка будет? Я еще УЗИ не делала.

– А кто же еще? – Искренне удивилась бабушка. – Девка и будет!

– Виталик, наверное, больше бы сыну обрадовался, – сквозь сон пробормотала Вика.

– Да все равно твоему Виталику: сын ли, дочь. Для него есть только один любимый человек – он сам. – Но всего этого бабушка вслух не произнесла, глядя рукой по густым волосам своей ненаглядной внучки. – Как уберечь тебя от этих житейских бурь, тростиночка ты моя?

Каждый день приносил маленькую радость. И теплым солнцем, и радостным общением, и видом наполненных яблоками корзин, и неспешными прогулками по центральной улице с неизменными посещениями соседей с обязательными чаепитиями.

– Бабуль, я за год столько чая не пью, сколько у тебя за неделю выпила.

– Знаешь, как твой дедушка говорил? В чае вся сила, а одно яблоко гонит прочь врача!

– То, то вы все тут такие здоровые? Яблоками питаетесь!

Звонок раздался, когда Вика перестала о нем думать. Телефон молчал всю неделю, не звонил даже Виталик, и Вика тоже решила никому не звонить. Не тревожить ни себя, ни других. Если угодно будет судьбе, то позовут меня на это собеседование, а нет, так и не надо. Найду работу, не пропаду.

Но ее позвали. Скороговоркой проговорили дату и время, когда ей следовало подойти по адресу и взять с собой паспорт.

– Бабуль, кончилась наша счастливая жизнь, меня на работу вызывают. Правда, не совсем на работу, а только на собеседование. Может, еще и не возьмут....

– Возьмут, отчего же не возьмут то? Ну, надо, так езжай. Я тебя до трассы провожу. Яблочко возьмишь.

– Ну, что ты? В городе яблочко что – ли нет? – Заныла Вика.

– Да откуда они в городе то? – Искренне удивилась бабушка. – Везут, почем откуда, а свои в землю закапываем. Бери, бери, нечего девоньку нашу химией травить. Я тебе еще привезу.

Новое, немного странного вида здание, похожее, или на водонапорную гигантскую башню, или на летающую тарелку Вика еле нашла. Было это не так далеко от ее дома, но на городском транспорте получалось с тремя пересадками. Неудобно получалось, но Вика решила на это не обращать внимание.

Предъявив вахтеру паспорт и расписавшись в журнале, Вика пошла длинными гулкими коридорами в комнату четыреста четыре. Пахло новым: краской, деревом, настроением. Оно витало в воздухе, какое – то бесшабашно веселое, с ожиданиями чуда и радужных перемен. Вике это понравилось, она прикинула, как будет бегать по этим коридорам, здороваться с коллегами, получать задания и торопливо их выполнять. Радость проникла внутрь, растянула губы в улыбке, зажгла глаза.

В таком настроении она и переступила порог четыреста четвертой комнаты. Несколько человек сомкнулись головами у компьютера и что-то оживленно обсуждали.

– Тут проходят собеседование? – звонким голосом обратилась Вика не понятно к кому. – Меня приглашали.

На нее смотрели несколько пар глаз, потом на серьезных лицах появились улыбки.

– Ну, раз приглашали, то заходи, конечно!

Вика сделала один шаг и остановилась. Как проходят собеседование она не знала и почему то решила, что сейчас ей предложат рассказать стихотворение или спеть.

– Ну, расскажите немного о себе. Откуда вы, где раньше работали, чем занимались? –

Предложила ей изящная седовласая женщина с приятным лицом.

Вика постаралась четко и с выражением поведать о себе, чем вызвала улыбку на лицах.

– Простите, а можно поинтересоваться, откуда вы узнали, что мы набираем сотрудников?

– Я работала вместе с Маргаритой Сергеевной в институте....

– А, друзья, это как раз та девушка, которую я ждала! – Махнула рукой седовласая. – Мне о ней много рассказывала Рита Серегина.

– Ну, это же другое дело, – закивал головой высокий парень с бородкой, как у Атоса. – Добро пожаловать в нашу обитель.

– Но работать мы начнем в следующем месяце, а пока у нас идет подготовка по всем фронтам. День рабочий, сами понимаете, ненормированный и по вечерам задерживаемся. Как, готовы к такому графику?

– Готова! – Кивнула Вика, решив про свою беременность никому пока не рассказывать.

– Вот и чудно!

– А когда можно выходить на работу?

– А прямо сейчас и выходите.

– Значит, вы меня берете?

– Как минимум на испытательный срок!

Вике нравилась ее новая жизнь, нравились люди, которые ее окружали. Было ощущение семьи, единения, всем было интересно заниматься любимым делом. Вика была, как подсобный рабочий, – с удовольствием выполняя поручения, задания, которыми изобиловали ее коллеги. С раннего утра до позднего вечера она пропадала на своей новой работе. Забывала поесть, забывала звонить мужу. Правда, создавалось ощущение, что мужа ее звонки только раздражали и на вопросы Вики: Как дела? Как работа? Когда приедешь? – Он отвечал неохотно и расплывчато.

С работы Вика приползала поздно. Иногда, не раздеваясь, падала на разобранный диван и без сновидений спала до утра. Она настолько погрузилась в свои новые дела и настроения, что ей стало казаться, что прежняя ее жизнь кончилась, как пройденный этап. И была ли она вообще эта жизнь? Словно призрачные сны вспоминала уставшая Вика, засыпая, свою свадьбу и метания мужа – гения, и запах яблок в бабушкином доме.

Наверное, все так бы и шло – радостно и безоблачно в ее жизни, пока однажды она не потеряла сознание на работе.

В то утро она немного проспала и не успела позавтракать. Накануне все заработались за полночь, и ее даже подвез до дома на своей машине звукооператор Ринат – метро уже было закрыто. Ринат у ее дома намекнул на чашку чая, но, взглянув на уставшее лицо своей коллеги, только улыбнулся и пожелал ей «Спокойной ночи!»

Вика бежала по коридору, вспоминая на ходу, что сегодня важный день. Будут репетиции с заставками, музыкой, крупными планами, ведущими. Кастинг ведущих прошел неделю назад, и Вика до сих пор вспоминала его с волнением. На него слетелись такие красотки, что Вика готова была забиться в уголок и не показываться на глаза этим дивным птицам.

Но Вику попросили поприсутствовать на кастинге и там эти красотки раскрывались совсем с другой стороны. Кто – то имел плохую дикцию, кто-то не мог связать двух слов, отвечая на вопросы, кого-то сразу невзлюбила камера. И миловидная девушка на мониторе превращалась в несимпатичную тетку с заостренными чертами лица и злыми глазами.

Вика еще бежала по коридору, но уже чувствовала, что происходит с ней что-то непонятное. Ноги становились тяжелыми, и с каждым шагом их все тяжелее было отрывать от пола. Спине стало холодно, а ладони и лицо вдруг покрылись потом. Вскоре в голове зазвенело, и Вика поняла, что проваливается в черноту, из которой выбраться самостоятельно не сможет.

Открыв глаза, она увидела людей в голубых халатах, встревоженное лицо редактора Майечки Петровны, вытягивающей худую шею из-за спины докторши.

– Ну, очнулась? Вот и ладно! Что же вы, женщина, коллег своих пугаете?

Вике не понравилось, что ее назвали женщиной, и она попыталась резко подняться, чтобы скорее попроситься с медицинскими работниками.

– Срок какой? – не поднимая глаз от тонометра, спросила врач.

– Какой срок? – Удивилась Вика.

– Недель сколько у вашей беременности?

– Какой беременности? – подала голос Майя Петровна.

– А! Я точно не знаю...

– А вы, в какой консультации на учете? – Откинулась на спинку стула доктор.

– Я пока ни в какой. Все времени нет, простите!

– У ребенка своего прощение просите. Наверное, сегодня не завтракала?

– Не успела. – Помотала головой Вика.

– А беременность желанная?

– Конечно! Что вы?

– Тогда почему так относитесь к себе и будущему ребенку?

– Я больше не буду, – пролепетала Вика.

– Обязательно завтракать, а так же обедать и ужинать, не перенапрягаться, больше бывать на воздухе. И обязательно встать на учет в ближайшие три дня! Все ясно?

– Да, конечно, спасибо!

Медики поднялись и вышли, а Майя Петровна осталась в комнате и сосредоточенно рассматривала что-то на полу, не поднимая глаз на Вику.

– Ты не сказала нам, что беременна, Викуля, – наконец, произнесла она холодным голосом.

– Майечка Петровна, простите! Но я действительно забыла. Еще даже муж не знает. Я все тяну, тяну. А работа мне это очень нужна. Наш институт же закрыли.

– Да, я все понимаю, девочка! Но ты можешь представить, как я теперь буду выглядеть? Это я тебя взяла на работу, я рекомендовала, а теперь что?

– Что?

– Как я теперь пойду к руководству канала и скажу им, что у нас тут беременная сотрудница, которой требуется длительный больничный и совсем скоро она покинет нас, а на ее место надо кого-то найти.

– Не надо ходить к руководству! Я не буду брать никакого больничного и с ребенком мне мама с бабушкой помогут.

– Так не бывает. Ты поймешь это, когда возьмешь свою кроху на руки. Пока работай, Вика, а я буду тихо подыскивать тебе замену. Ты, уж, прости! Но у нас сейчас каждая копейка на счету. И так один человек за троих работает. Тебе ни ритм наш не подходит, ни условие. Сама же слышала, врач сказала, чтобы ты гуляла больше, отдыхала. А у нас так не получится, это телевидение. В него надо, или погружаться с головой, или оно тебя просто выдавит.

– Ну, Майечка Петровна, хотите я вам расписку напишу, что на больничный не уйду, и после родов сразу на работу выйду?

Майя только махнула своей тонкой лапкой и тяжело поднялась со стула, звякнув многочисленными браслетами.

– Да, озадачила ты меня!

– Подождите, может, муж еще заставит меня избавиться от ребенка, – тихо проговорила Вика, чувствуя, как на глаза накатываются горячие слезы.

Но Майя Петровна уже вышла и последних слов Вики не слышала.

«Что же я наделала? Как теперь выбираться из этой ситуации? Работу я вряд ли найду другую, а без работы как жить будем? А вдруг ребенок не родится? Бывает же такое?» – С каким-то странным чувством подумала Вика.

И не было у нее при этом страха или ужаса. Но в тот, же момент она почувствовала, как внутри у нее все сжалось, а потом кто-то тихо, совсем легко, толкнул ее изнутри. И Вика разрыдалась. От своей слабости, от безысходности, от одиночества, которое она так остро ощущала в последние дни. Даже мама перестала ей звонить, а любимый муж, похоже, и вовсе забыл о ее существовании.

Слезы сопровождали ее весь день, не давая расслабиться и улыбаться. Как только Вика начинала отвлекаться и чему-то радоваться, мысль, что со всеми этими людьми ей совсем скоро предстоит проститься, вновь вгоняли ее в уныние, сопровождающееся тихими всхлипываниями. Но на многочисленные вопросы: «Что с вами, Викуля? Почему вы плачете?» Она отвечала легкой улыбкой и махала рукой, мол, все нормально. Только Майя Петровна грустно вздыхала вместе с Викой.

Вечером Вика, набравшись решительности, подошла к Майе Петровне:

– Майечка Петровна, я не могу уйти с работы! Она не просто мне нужна, я ей живу. Это то, чем я хотела заниматься.

– Викуль, не переживай так. Родишь, выкормишь своего детеныша и вернешься к нам. Все будет хорошо!

– Нет, не будет. Пройдет время, все измениться и этот канал изменится и я уже буду не нужна никому.

– Ну, что ты говоришь, девочка!? Все только начинается...

– Да, и это самое интересное – начало. Разве не так?

– Ну, в этом я с тобой могу согласиться. Самое интересное – это всегда начало, когда еще веришь в хорошее и светлое будущее. Куда потом все девается?.. У тебя есть потрясающее качество, которое мне нравится: ты располагаешь к себе людей, умеешь общаться, находишь в них что-то хорошее, можешь разговорить любого, и перед тобой человек раскрывается. А это не всем дано, уж, поверь мне. Из тебя со временем мог бы получиться замечательный интервьюер. Твоя мимика, жесты, улыбка, голос замечательно смотрятся в кадре. Кстати, мне это показал наш оператор, когда мы объявляли конкурс на ведущего.

Майя Петровна отошла на шаг назад и немного прищурилась, разглядывая Вику.

– Вот только шкурку тебе надо снять.

– Какую? – шепотом спросила Вика, понимая, что разговор уходит в какое-то новое русло.

– Лягушечью. Хотя, может быть, сейчас еще рано ее снимать. Но через пару лет ты просто обязана измениться.

– Майя Петровна, я уйду на больничный, но не больше недели, – твердо заявила Вика и, развернувшись, пошла по коридору, выстукивая каблучками победный марш.

Вернувшись поздно, Вика с удивлением обнаружила на диване спящего мужа. Какое – то время она рассматривала его заросшее щетиной лицо. Она придавала ему мужественности и делала еще красивее. Виталий широко раскинул руки и улыбнулся во сне.

– Ну, ладно, хоть у него все хорошо, – вздохнула Вика и пошла, звонить маме.

Хоть час был и поздний, но Вика знала, что мама ложиться поздно и очень удивилась, когда трубку не взяли.

– Странно! – пожалала она плечами, но волноваться не стала.

Мама всегда была женщиной легкой на подъем. Могла уехать с подругами в туристическую поездку или к кому-нибудь в гости на дачу. Вика позвонила на сотовый, но тот был отключен, что было уже необычно для мамы. Она никогда его не отключала и просила Вику не выключать ее телефон, говорила, что так ей спокойней.

Виталий или не почувствовал, когда Вика тихо прилегла рядом, или сделал вид, что крепко спит. Но когда Вика тихо прошептала: «Мне о многом надо поговорить с тобой!», ровное дыхание его прервалось, он заворочался, и отвернулся от нее к стене.

Утром, еще не встав с постели, Вика снова почувствовала тихий толчок в живот. Она провела по нему рукой и улыбнулась. Показалось, что за ночь живот вырос. Виталия рядом уже не было, но в ванне лилась вода, и Вика, вспомнив, как они принимали вместе душ, направилась к мужу. Но дверь оказалась закрыта...

Виталий вышел из ванной хмурый, на Вику старался не смотреть, но щеку для поцелуя подставил и тихо прижал ее к себе. Тогда Вика, подчиняясь какому-то порыву, взяла его руку и приложила к своему животу и в то же время внутри ее кто-то снова толкнулся.

– Это что? – Виталий отскочил, отдернув свою руку, и с ужасом смотрел на жену.

– Ты чего так испугался? – Засмеялась Вика. – Это наш будущий ребенок. – Видишь, уже толкается.

– Как ребенок? Какой? Откуда?

– Ну, ты еще спроси: от кого? – Слегка обиделась Вика.

Не такой реакции она ожидала. Впрочем, она ничего не ожидала и та проникновенная речь, которую она готовила, вовсе не понадобилась.

– Я тебе еще в прошлый раз хотела сказать, но ты так быстро уехал, мы даже не пообщались.

– Ты об этом хотела со мной поговорить? – Каким-то поникшим голосом спросил Виталий.

– И об этом и о многом другом. Ну, во-первых, я поменяла работу, так получилось, – Вика старалась не обращать внимания на настроения мужа. Ей говорили, что мужчины иногда бывают в шоке от таких новостей и их все-таки надо подготавливать.

– И где ты теперь трудишься? – Виталий безучастно смотрел в окно.

– На телевидение.

– Серьезно? На телевидение? – Впервые за все утро, в глазах мужа промелькнула заинтересованность.

– Ну, да. Это совсем новый канал, они еще только запускаются. И, конечно, моя беременность сейчас совсем некстати...

– Да, Викуль, ты сама это сказала, – Виталий сел перед ней на пол и посмотрел в глаза. – Ну, куда нам сейчас ребенок? У тебя отличная работа, у меня не пойми что. Съёмки, проекты, личная жизнь.

– Виталь, ты чего? Он же живой уже, ножкой бьет? – Затрясла головой Виктория.

– Я думал, что в нормальных семьях этот вопрос обсуждается. А ты, как партизан, сама все решила, что-то скрывала, а теперь уже поздно... По крайней мере, это не порядочно.

– Но тебя же не было, а по телефону такое не говорят.

– Отговорку можно найти любую.

Виталий поднялся и вышел из квартиры, хлопнув дверью.

Не было его всю ночь и на следующий день. Но Вика почему-то не волновалась. Ее душила обида. Муж появился ближе к ночи, когда она уже разобрала диван и надела пижаму. От него сильно пахло дымом, – хотя Виталий никогда не курил, – спиртным и еще чем-то чужим и терпким, и тревожным.

– Где ты был?

– Позвольте вам не сообщать! – Отвесил шутовской поклон муж. – У нас же такая, с позволения сказать, семья? У каждого есть своя тайна, которую он, если хочет, рассказывает, если не хочет, не говорит. И вот сегодня мне не хочется говорить на тему моего времяпрепровождения. Но может быть, потом, потом....

Виталий прошел на кухню и немного погрел кастрюлями. А Вика, чтобы немного отвлечься, приготовила сегодня его любимый тыквенный суп и сделала рагу в горшочках и еще нажарила блинчиков. Она представляла, как Виталий вернется с букетом цветов и будет стоять перед ней на одном колене и каяться, и объясняться в любви, а потом они будут ужинать, как обычная счастливая семья. И на премьеру его фильма они пойдут вместе, держась за руки.

Она все прислушивалась к звукам, раздававшимся с кухни и ждала, что муж сейчас тихо войдет и обнимет ее, и...

– Я пойду ночевать к маме! – Сухо бросил Виталий и снова вышел в ночь.

В животе заворочались и толкнулись.

– Ты чего, малыш? Не бойся, я с тобой буду всегда, и никому тебя не отдам. – Погладила Вика живот. – А папа немного подует и отойдет. Я же знаю, он нас любит. Просто, ему, как и многим мужчинам надо привыкнуть. Потерпим, дорогой. Он, когда узнает, что у него будет сын, обрадуется и будет гордиться.

Вика твердо решила сегодня же сходить в консультацию, встать на учет, как настоятельно советовала доктор со скорой. Но пролетевший день оказался настолько загружен делами, что Вика только взглянув в окно, вспомнила о своем решении и поняла, что опоздала.

«Ничего, у меня еще много времени, успею. А пока надо работать».

Виталик, похоже, снова погрузился в творческий поиск. Фильм был окончен, но в кино-театрах его не показали. Кто-то с кем-то не договорился. И Виталий злился. Он так надеялся, что его заметят и, как это бывает, начнут приглашать в кино. Он уже представлял, как дает многочисленные интервью и объясняет, что ему приходится отказываться от многих сценариев, чтобы не разминаться. Но ничего этого на деле не было. Его никто не знал, и никуда не звали. А, между тем, бывший друг Сашка Ремизов, что чудом снялся еще будучи студентом в главной роли, снова был утвержден на роль какого-то следователя в сериал. По всем каналам показывали его тупую рожу и говорили о нем, как о представителе нового талантливом поколении, о его одаренности, о том, как неподражаемо он перевоплощается в своих героев.

А он стоял перед камерами и говорил, что ему просто повезло, что на его курсе были ребята более талантливые, но выбрали почему-то именно его. При этом он улыбался такой улыбкой, глядя прямо в камеру, что Виталий каждый раз думал: «Он улыбается мне. Он смеется надо мной!» И от этого хотелось выть и биться головой о стену.

– Ну, уж если такие типажи нужны современному кино, то мне за него стыдно. Сашка никогда не был ни особо талантливым, ни харизматичным. С такой физиономией можно играть бандитов, но, уж никак не следователей. – Возмущенно обсуждал Виталик Сашку с такими же безработными бывшими однокурсниками.

Те грустно кивали, прятали глаза, в которых светилась неприкрытая зависть, и мечтали оказаться на Сашкином месте. Самые удачливые из них устроились на службу в театры и пока были заняты в основном в массовках. А остальные бегали по многочисленным кастингам, как

теперь модно было называть пробы актеров. Но фильмов снимали мало, и сыграть в эпизоде мечтали даже опытные актеры. А до Новогодних елок оставалось еще два с половиной месяца.

«А к Новому году должен родиться ребенок!» – С тоской подумал Виталий.

Он тогда приехал домой от Светки и решил объявить Вике, что они абсолютно чужие и ему нужна свобода. Они со Светкой даже отрепетировали все. Смеялись. Светка классная баба. Ну, старше его на пять лет, но это не заметно. Она в оркестре играет, папа у нее композитор. Упакована полностью: квартира, машина, загородный дом, родители в Италии дом имеют. Виталий уже прикидывал, как сладко заживет в такой семье.

Но он все оттягивал этот разговор с Викой. Сам не мог понять почему. Ни жалости не было, ни любви не осталось. А не хотелось видеть ее глаза, из которых катятся слезы... Эх, и что он маму не послушал, когда жениться решил? Сейчас бы никаких проблем не было.

В тот вечер он ее ждал, а она все не шла. И сначала он решил, что устроит ей сцену ревности, но потом струсил, лег на диван, и притворился спящим. А утром это известие...

Он снова провел ночь у Светки. Она сказала: «Даю тебе два месяца или расстанемся!» И как жить? Вика, ребенок, Светка... Как бросить женщину с ребенком? Воспитание не позволит. А жить с нелюбимой женщиной и ребенком, который не нужен, как? Как?!

Два месяца еще. Можно еще два месяца жить, как он жил эти полгода. Гулять со Светкой, а Вике сказать, что снова едут на натуру. А можно вообще соврать, что в Италию едут доснимать. У нас, то уже холодно, а там еще тепло, и Светка все зовет его слетать к ним на озеро Комо, где родители дом имеют.

«Ладно, пока живем еще, а там дальше посмотрим. Будем переживать неприятности по мере их поступления».

Но неприятности родились на два месяца раньше положенного.

Вика к концу дня почувствовала себя плохо. Ныла спина, тянуло живот, да не просто так, а какими – то приступами. Боль то исчезала, то вдруг возвращалась с новой силой. Заставляя Вику приседать на корточки и тихо постанывать. В таком положении ее и обнаружила Майя Петровна, пробежавшая по коридору.

– Викуль, ты чего скрючилась?

– Не знаю, что-то живот болит, – жалобно прошептала Вика. – Но я сейчас посижу так немного и отпустит.

Но в этот раз боль не отпустила. Вика взвыла и потеряла сознание.

Очнулась она уже в машине скорой помощи. Рядом сидела Майя и держала ее за руку.

– Майечка, а куда мы едем?

– Рожать, – кивнула Майя Петровна.

– Как рожать? Еще рано! У меня ничего не готово! И с мамой я так и не созвонилась. – Заплакала Вика.

– Ничего. Все поправимо.

– Майечка, позвоните мужу моему и пусть он с мамой свяжется.

– А кто это у нас плачет? Никаких слез! Силы надо беречь, они вам сейчас потребуются, – грозно прикрикнула пожилая, уставшая докторша.

Силы уже давно кончились. Даже на стоны их не осталось, а ребенок все не появлялся. Врачи ругали Вику, что она не встала на учет и им приходится работать вслепую и ребенок не успел занять правильное положение, а Вика все не давала согласия на кесарево. Она представляла, как ужаснется Виталий, увидев ее жуткий шрам на животе.

Но тут вошел высокий худой доктор, похожий на Айболита, и грозным голосом стал отчитывать всех, что так затанули роды и измучили ребенка и роженицу и надо срочно давать ей наркоз, иначе ребенка можно потерять.

Спорить у Вики сил не было.

Глаза она открыла в большой палате, остальные несколько коек были пусты. Вика искала глазами кроватку с младенцем. Она часто видела в фильмах, как рядом с матерью стоит белая люлька и в ней посапывает кроха в белой шапочке. Но, ни кроватки, ни крохи рядом не было и вообще никого не было.

«Что со мной? Где ребенок? Или, может, его нет? Ведь я не встала на учет и теперь его у меня забрали, как не нужного у плохой матери. И почему я ничего не помню? Женщина не может забыть роды. Или может?»

С большим трудом Вике удалось сесть на кровати и коснуться босыми ногами холодного пола. Собравшись с силами, она попыталась подняться, но ноги отказались ее слушаться, и Вика снова плюхнулась на кровать.

–Эй, кто-нибудь! Эй! – Но крик ее, похоже, не долетал до темнеющей двери.

Было тихо и темно и за большим больничным окном и за стеклянной дверью. Ощущение полного одиночества, от которого и хорошо и страшно.

Вторая попытка вышла удачной, ноги подчинились, и девушке удалось подняться. Сразу заныл и загорелся низ живота. Дотронувшись до него, Вика почувствовала тугую повязку и тихо, опираясь на спинки пустующих кроватей, побрела к выходу.

В полутемный коридор Вика вышла, почти теряя сознание от боли и слабости. Где-то вдалеке слабым светом горела лампа, и Вика попыталась пойти на этот свет. Но через мгновение свет исчез, вязкая тьма вдруг обволокла ее и потащила куда-то вниз, причиняя боль.

– Ты чего это выдумала в ночи по коридорам шастать? – Было первое, что услышала Виктория, открыв глаза в своей палате.

– Я только хотела узнать, как мой ребенок. А то я так и не знаю, кого я родила.

– Три девки сегодня появились. Одна в боксе лежит, слабенькая очень. Еще не понятно, выживет ли? Одна с мамашей в платной палате. И одна щекастеньякая спит в отделении. Так что не волнуйся, мамаша, завтра принесут тебе твое сокровище. Прожорливая девка будет, – улыбнулась нянечка.

– Моя – та, что в боксе. Не доносила я.

Нянечка еще хотела что-то сказать, но взглянув на Вику, только махнула рукой.

– Я тебе сейчас чаю принесу. Хочешь чаю сладкого?

– Очень хочу! А не знаете, мужу моему сообщили?

– А это завтра у врача своего узнаешь. Он придет и все тебе расскажет.

День выписки был шумный. От этого было немного страшно. Все кричали, махали зачем – то разноцветными шариками, цветами. Словно, взрослые люди не понимали, что маленьким ни шум, ни шарики не нужны.

А мне хотелось скорее оказаться на руках у мамы. И чтобы вокруг нас никакого шума не было. Получилось почти так, как я и хотела. Нас с мамой встречала только старенькая бабушка. Она шепотом поздравила маму, улыбнулась, Отчего лицо ее все покрылось мелкой паутинкой. А потом взяла меня к себе на руки. И оказалось, что у нее на руках намного теплее и спокойней. Я тут же уснула и не слышала, как плакала мама...

– Бабушка, а ты как здесь? – Вика оглядывалась в поисках своей группы встречающих.

Виталий пришел к ней в больницу через два дня, когда Вика уже не могла найти себе места от волнений. Ни сумки, ни телефона у нее с собой не оказалось, и она уже думала, что мужа никто не предупредил и теперь надо как-то с ним связаться.

Весть о рождении дочери он воспринял прохладно. Во всяком случае, ни ласковых слов, ни поздравлений она от него не услышала. И в ее палату никто не вносил букетов роз и корзины с фруктами, как девушке из платной палаты. Муж равнодушно скользнул по ней взглядом, и желания видеть дочь не выказал.

А Вика не отходила от бокса, где лежала девочка. Странно, но как она ни прислушивалась к себе, никаких теплых чувств к ребенку у нее не возникало.

«Наверное, это потому, что я родила ее рано? Вот если бы она появилась на свет через два месяца, как положено, то и мое материнское чувство проснулось бы к тому времени».

Вика переживала, плакала то и дело, ощущая себя одинокой и никому не нужной.

– Ты чего плачешь постоянно? – Однажды спросила ее смешная белокурая кудрявая девушка из соседней палаты. – Вроде не одна. Я видела, какой к тебе красавчик приходил. Парень твой?

– Муж, – улыбнулась Вика.

– Тем более! Не то, что мой Генка крокодил. Еще хохма будет, если дочка в него пойдет.

А он, прикинь, только о девке и мечтал. Это с его то носом!

– Нос, как нос, – пожала плечами Вика.

– Ну, для мужика то может и нормально, а себе бы я такой не хотела!

– Сейчас любой каприз за ваши деньги пластики тебе сделают.

– Это точно! – Засмеялась соседка. – Генка мне грудь обещал подарить. Только просил, чтобы я дочку покормила немного. А мне это даже нравится. Она так сосредоточенно сосет, хмурится, словно государственные задачи решает. А ты свою кормишь?

– Нет, она в боксе лежит. Слабенькая очень.

– Выходят, тут врачи хорошие, хоть и не за граница. Слушай, тогда забери у меня корзину с фруктами. Генка притащил, врачи мне такие фрукты заморские запрещают, и сами не берут. Говорят: не положено. А нянечка сказала, что травиться ими тоже не будет. Ананас только взяла.

– А твой красавец что так редко приходит?

– Он на съемках, в кино снимается. Вот на один день только отпустили, он и прилетел, – быстро проговорила Вика, ругая себя за ложь.

Но ей так хотелось выглядеть в глазах этой девушки тоже счастливой.

– Артист? – Удивленно протянула девица и покачала головой. – А сама тоже артистка?

– Нет, я на телевидении работаю.

Соседка только восхищенно покачала головой и вскоре принесла в палату корзину с экзотическими фруктами, названий которых Вика даже не знала.

Но Валюшка, – так она представилась Вике, – терпеливо разложила все фрукты по тумбочке и объяснила, какой фрукт, как надо чистить и есть.

– Ты так объясняешь, словно учитель, – улыбнулась Вика.

– А я и есть учитель. Педагогический окончила, работать в школе хотела. Аж, до дрожи. Представляла, как на первое сентября иду. Что надену, как детей приветствовать буду, какие слова им скажу. – Валя задумалась, и ее синие большие глаза затуманились.

– Ну, и что тебе помешало?

– Генку встретила. А он сказал, что и сам мне может нервы мотать, если у меня есть в этом потребность. А чужих детей пусть их родители воспитывают, а я своих должна рожать. Да я не жалею. О таком муже, как мой Генка многие девчонки мечтают. Дом – полная чаша, любую мою просьбу выполнит и еще от себя добавит. Маму мою к себе взяли. Представляешь, он ей даже домик отдельный от нас построил рядышком. Чтобы ни мы ей, ни она нам не мешала. Мамка моя счастлива. Говорит, никогда о такой жизни даже не мечтала. Так, что хорошо у меня все.

Месяц назад Валюшку встречала веселая компания на трех машинах. Ее Генка даже приплясывал от счастья. И все прижимал к себе жену в новой шикарной шубке и норовил поцеловать малышку. Вика смотрела на них в окно, и было радостно и немного грустно. Она понимала, что ее встреча будет намного скромнее. Особенно ей понравился огромный рыжий медведь, которого держал парнишка с такими же рыжими волосами и густой челкой. Он стоял в сторонке и с улыбкой смотрел на счастливых родителей. На какую – то минуту Вика встретила с ним взглядом, и паренек приветливо ей улыбнулся, а Вика махнула ему рукой.

«Хочу, чтобы мне тоже подарили такого медведя!» – Зажмурив глаза, пожелала себе Вика.

И вот теперь она стоит во дворе, кутаясь в тоненькое пальто, и ни медведей, ни шариков, ни цветов и шумной толпы, ни даже собственного мужа. Лишь бабушка – палочка выручалочка во всех делах.

– Бабуля, а где все? – Поежилась Вика. Пальто не грело, а казалось, охлаждало.

– А кто нам нужен?

– Ну, Виталик и мама? Я же ему говорила, когда нас с девочкой выписывают.

– Виталика не видела, а мама в санаторий уехала.

– Ну, как же так, бабуля? В какой санаторий, она так нужна мне. Я же на работу обещала вернуться через неделю, а просидела в этой больнице месяц.

– Виктория! – Грозно обратилась к внучке Аглая Тихоновна, что означало крайнюю степень недовольства. – Ты, во-первых, не просидела, как ты выразилась, а выхаживала свою дочку, которой тепла твоего и любви не хватило, вот она раньше времени и попросилась наружу. Умная девочка, поняла, что здесь ей больше помощи окажут, чем мать, которая о себе не думала.

– Я работала, бабушка! – Опустила голову Вика.

– Я и говорю: о работе ты думала, а о ребенке забыла. А про мужа твоего я вообще ничего говорить не хочу. Ветер в поле, да и только.

– А о маме моей что скажешь?

– А твоей маме сейчас помощь нужна по – боле, чем тебе

с дочкой. Инфаркт у нее случился, Викуль. Еле спасли. Вот сейчас в санаторий и отправили. Я ее потом к себе заберу. На природе она быстро на поправку пойдет. И вас заберу.

– Я же на работу обещала... Там, наверное, уже другую девушку нашли.

– Не о том думаешь, внучка! Тебе сейчас о ребенке надо думать, а все остальное, потом.

Бабушка хотела взять Вику с малышкой в квартиру дочери, но Вика настояла, что поедет к себе домой. Она не оставляла надежду, что Виталик что-то перепутал, и дома полным ходом идут приготовления к встрече.

На улице стояли наряженные елки, падал легкий снежок, спешили прохожие, и Вика, вдруг, точно осознала, что все у нее в жизни будет хорошо. Справится она со всеми неприятностями, ведь она не одна теперь. У нее есть дочка!

С таким радостным настроением она и вошла в свой дом и остановилась на пороге. Сказать, что в квартире был бардак – не сказать ничего. Вещи разбросаны, на полу осколки разбитых чашек, на столе остатки трапезы. И судя по засохшим остаткам, пиршество было несколько дней назад. Ни детской кровати, ни шариков и цветов не было и в помине. Хотя Вика всю дорогу не теряла надежды.

Аглая Тихоновна положила малышку на край дивана, отвернув угол смятой простыни, и девочка тут же ударилась в плач.

– Ну, ты, если хочешь, оставайся, а мы пойдем. Слава Богу, есть куда уйти из этого притона. Это же надо, во что квартиру превратил.

Возражать на это Вике было нечего. Она взяла несколько своих вещей, передела пальто на теплую куртку и покинула квартиру, которую сумела полюбить.

Оставив бабушку с малышкой у мамы, Вика поехала на работу. Она еще не думала, как будет выстраивать свою жизнь без Виталика с дочкой на руках и больной мамой, но сейчас больше всего на свете, она хотела услышать, что ее ждут на работе.

Обстановка на их этаже изменилась, это Вика сразу заметила. Стало больше порядка, что ли. Меньше смеха и того счастливого возбуждения, какое бывает в канун праздников или добрых начинаний. Сейчас по коридору пробегали сосредоточенные люди, которых Вика не знала. И она уже подумала, что их канал вместе со всеми сотрудниками переехал в другое здание или вовсе не смог начать работу. Так случается иногда.

С опасением открыла Вика дверь под номером четыреста четыре и улыбнулась. Было полное ощущение, что она вернулась в прошлое, на несколько месяцев назад. Несколько человек обступили со всех сторон монитор компьютера и что-то оживленно обсуждали. В середине стояла худенькая женщина с короткой стрижкой на седых волосах и, звеня браслетами, водила пальцем по экрану монитора.

– Друзья мои, теперь вы тоже видите, что это не годится? Откуда этот затравленный взгляд? Она что читает: новости или некролог?

Легкий ропот и побрякивание было ответом.

– Здравствуйте, дорогие коллеги! – Громко крикнула от входа Вика.

Коллеги повернулись и с улыбками какое-то время рассматривали Вику. Майя Петровна, выбравшись из окружения сотрудников первой подошла к ней и заглянула в глаза:

– У тебя все хорошо, девочка? Как малышка?

– Все хорошо, вчера выписались. Я готова приступить к работе. С девочкой бабушка пока будет. Я все равно кормить ее не могу. Молока нет, – развела руками Вика.

Вику обступили со всех сторон. Кто-то касался ее руками, кто-то гладил по спине, кто-то норовил чмокнуть в ухо. Ей были рады, это Вика всегда чувствовала безошибочно.

– Мы же тебе собрали подарки, да все никак не могли мужу твоему дозвониться, чтобы уточнить время выписки. Ребята, где подарки для Вики? – Обратилась к кому-то Майя.

И вскоре в кабинет ввезли роскошную коляску до верха наполненную какими-то яркими свертками.

Ринат, заметив испуганные глаза Вики, вызвался отвезти подарки к ней домой.

– А то, как ты пойдешь со всем этим по улице?

– Спасибо! Только я сейчас у мамы живу. Это даже ближе, чем моя бывшая квартира.

Майя Петровна только пристально взглянула на нее и опустила свои большие глаза, рассматривая что-то на полу.

Коллеги по одному разошлись. В комнате осталась только Вика, Майя, да оператор Лукин. Он все обходил то с одной, то с другой стороны Вику, вглядывался в нее. Но, поймав взгляд начальницы, со вздохом вышел.

– Майечка Петровна, возьмите меня обратно! Мне необходима эта работа! С девочкой бабушка справится. А скоро мама из санатория вернется. От мужа я, скорее всего, уйду. – Вика проглотила образовавшийся комок в горле. – Я согласна на любую работу, только бы здесь, с вами.

– Вик, я хоть и пожилая женщина, но еще помню, что такое маленькие дети. Они болеют часто. И их бывает нестерпимо жалко оставлять с температурой даже с родной мамой. А мы тут, как скорый поезд, – не имеем право останавливаться на полустанках. Наш режим работы с запуском канала стал еще жестче. Тут могут выдержать только мужчины или такие одержимые теткы вроде меня.

– Я могу мыть полы, писать подводки, печатать, быть на побегушках. Вы же знаете?

– Ты снова хочешь меня подставить?

– Я хочу с вами работать.

– А почему ты ушла от мужа?

– Он меня разлюбил или не любил вовсе. А я так не хочу. Наверное, я тоже разлюбила!

Вика посмотрела на падающий снег за окном – такой тихий, светлый, новогодний. Казалось, он делает чище не только землю, но и душу. Как ни старалась Вика разобраться в своих чувствах к мужу, но ничего у нее не получалось. Она даже не могла ответить себе на вопрос: Любила ли она Виталика? Или это было чувство первой юношеской влюбленности, замешанной на страсти и гормонах? Когда весь мир сосредоточен только в одном человеке. И думаешь постоянно только о нем. И хочется не расставаться и чтобы свадьба красивая, и фата, и завистливые взгляды подруг... Куда ж без них?

– Роды пошли тебе на пользу, – прервала размышления Майя Петровна.

– Это не роды, я просто весь месяц спала и ела, – улыбнулась Вика.

– Волосы стали гуще..., – продолжала Майя.

– Отросли.

– Нет, нет! Определенно похорошела. Не зря Лукин вокруг тебя крутился. У нас с ведущей проблемы. Парня то классного нашли, а вот с женским полом проблемы. И вроде девчонок много, а выбрать не из кого. Ну, ты и сама помнишь, как отбор проходил?

– Так нашли же тогда девушку? Она вроде всем понравилась?

– Всем, да не всем! – Махнула рукой Майя, звякнув своими вечными браслетами. – Сыч, то есть Борис Борисыч, привел свою протезе, сказал, чтобы сделали ее лицом канала. А она никакая! Ну, просто, никакая! Амеба, одним словом. Лукин уже из себя выходит, с осветителями, примерами переругался, на меня бросается. А что я могу? Я ее и так только на утренние новости ставлю, когда рейтинг низкий. А она, мало того, что без искорки, но гонор имеет на десятерых. Понимает, что Сычев за ней стоит и в обиду не даст.

– Майя Петровна, так как мне выходить на работу или новую искать? – Вика была далека от этих интриг с ведущими и проблем с оператором. Она лихорадочно подбирала для себя варианты работы, уже чувствуя, что Майя откажет ей.

Но, прозвучавший ответ поразил Вику и обрадовал:

– Можешь завтра выйти?

– Конечно!

Выйдя из кабинета, они буквально наткнулись на грузного невысокого мужчину с печальным взглядом. Он тяжело передвигался по коридору на коротких ножках. Одет мужчина был по молодежному: в джинсы и короткую кожаную куртку, но молодежного вида не получилось. Куртка больше походила на чехол от кожаного кресла и на объемном животе явно не сходилась. Заметив Вику с Майей, он остановился и его грустные глаза заинтересованно блеснули.

– Это кто же у нас тут такой хорошенький? – Засюсюкал он.

– Борис Борисыч, это наша Вика. Она вот родила ребеночка и уже хочет вернуться на работу. Вы, как, не против? – Майя заискивающе заулыбалась.

– Родила! – Протянул шеф, и глаза его снова подернулись печалью. – Болеть будет, кормить, на больничных сидеть..., – продолжил он путь, явно потеряв интерес.

– Нет, нет, Борис Борисыч, я кормить не буду. У меня молока нет, вы не волнуйтесь. И мне бабушка с мамой помогать будут.

Вика так и осталась стоять возле комнаты четыреста четыре и кричала в широкую спину уходящему шефу.

– Может, поверим, Борис Борисыч?

– Я привык не доверять людям, поэтому и считаюсь успешным продюсером.

– Мне работа очень нужна!

– Муж пусть обеспечивает, – так же, не останавливаясь, бросил через плечо Сычев.

– Я ушла от мужа, – бросила свой последний аргумент Вика.

– Майя, под твою ответственность. Первый больничный и пусть пишет заявление по собственному желанию.

– Вика, ты поняла? Выходишь под мою ответственность! И не говори мне потом, что я тебя не предупредила. – Подошла Майя с усталым видом, словно одержала победу над врагом.

В квартире было тихо и пахло пирогами. Вика зажмурилась и улыбнулась у порога. С кухни доносился тихий разговор.

«Мама!» – обрадовалась Вика и пошла на голоса. Но войдя в кухню, остановилась. За столом сидели, и пили чай с пирогами бабушка и несостоявшаяся свекровь.

– Здравствуй, невестка! – поднялась со своего стульчика Римма Афанасьевна и дотронулась сухими губами до Викиной щеки. – Вот, на внучку пришла свою посмотреть. Хиленькая она у тебя.

– Это ничего, откормим, – встряла бабушка. – Главное, чтобы человек был хороший.

Свекровь при этих словах сжалась и опустила голову.

– А я знала с первых дней, что все так получится. Не надо было им жениться. Разные они. Тогда говорила и сейчас скажу. И ребенок этот никому не нужен. Разве не так, Виктория?

– Римма, ты не о том сейчас говоришь! Пришла на внучку посмотреть – пожалуйста, а говорить плохое не надо.

– Да это же не плохое, а правда! – Немного повысила голос свекровь.

– Кому она сейчас нужна, Римма, правда твоя? Вон она спит на кресле.

– Все потому, что девке замуж захотелось! – Выплюнула в сердцах Римма Афанасьевна.

– Все потому, что кто-то мужика не смог воспитать, – сурово проговорила бабушка и медленно поднялась со своего стула. – Проводи гостью, Викуля, а я пойду, прилягу, пока внучка спит.

Бабушка вышла, а Вика так и стояла посреди кухни, ожидая, когда свекровь покинет их дом.

– Ну, а ты мне что скажешь?

– Всего хорошего могу сказать. Виталик может быть свободен. Вы правы: разные мы. Зачем друг друга мучить совместным проживанием?

Свекровь еще хотела что-то добавить, но Вика проскользнула в прихожую и включила там свет.

– Как все у вас молодых просто: полюбили, разлюбили, пожили, разбежались. А о ребенке думать кто-нибудь из вас будет? Все – таки у вас теперь ребенок, семья настоящая, можно сказать.

– Это вы о чем, Римма Афанасьевна? Девочка будет жить со мной и мамой. Она Виталику не нужна, он это уже ясно дал понять, даже не встретил. А я не хочу жить все время во вранье и без любви, но со статусом жены.

– Быстро у вас все. И женились слишком быстро и разводите, даже не успев пожить. Вика, я бы хотела видетсья с внучкой, если ты позволишь, – тихо и как-то жалобно проговорила свекровь. – И вот еще, возьми на первое время. – Она протянула Вике пухлый конверт. – Не отказывайся, это для девочки. – Покачала головой Римма, когда Вика из гордости отстранила подарок.

После ее ухода осталось непонятное чувство досады, вины и обиды.

– Ты не отстраняй ее, Викуль, – вышла из комнаты бабушка. – Какая ни на есть, а родня нашей Клавочке и она, и сынок ее беспутный. А чем больше людей любят ребенка, тем ему лучше.

– Бабуля, а Клавочкой ты ее почему называешь? Я ей другое имя дать хотела. Ксения.

– А не знаю. Взглянула сегодня, и так она мне маму мою Клавдию Макаровну напомнила, я ее и назвала Клавочкой. А она мне так радостно улыбнулась. Значит, понравилось ей имя это.

– Ну, не знаю! Ей оно, может, и понравилось, а мне что-то не очень.

– А ты прислушайся. Почувствуй его. И певица такая была великая Клавдия Шульженко. Мы с ее песнями победили. И после войны ими души лечили.

Клава, Клавочка, Клавдея – так сегодня приговаривала надо мной бабушка. И звучало это так ласково, словно лучи солнца пригревали. Было бы хорошо, если бы меня всегда так называли. Я бы тогда каждый день в солнце купалась.

Вика долго не ложилась спать. Она все ждала, что Виталик все-таки одумается и придет к ним и будет просить ее вернуться, и возьмет дочку на руки, заглянет в ее глазки, так похожие на его. Она даже коляску с подарками, которую привез Ринат, не разбирала, чтобы меньше времени заняли сборы.

Но Виталик так и не пришел. Ни в этот день, ни на следующий, ни через неделю. Был муж, да весь вышел.

Вика с головой ушла в свою работу. Вновь ощущая ту радость от своей нужности, от общения с такими же одержимыми работой людьми. Подготовка интервью, редактирование, производственные совещания, составление планов. Вика едва выкраивала десять минут, чтобы наспех выпить чашку кофе и позвонить бабушке, справится: все ли нормально у них с Клавочкой.

Странно, но имя так подошло малышке, словно где-то свыше и было определено, что именно этой девочке надлежит родиться Клавдией. Вика несколько раз пробовала называть дочку другими именами, – примеряя их, что ли, – но ни одно из этих имен не вызывало трепета. А девочка буквально на следующий день стала поворачивать голову, отзываясь на имя.

– Викуль, мала она еще на имя реагировать. Подожди немного.

– Да ты сама убедись, бабушка!

И Вика снова и снова повторяла имя и радовалась, когда ловила серьезный детский взгляд.

К Новому году вернулась из санатория мама. Похудевшая, растерянная, словно потухшая. Но увидев внучку, очнулась, и с каким-то наслаждением включилась в новые хлопоты.

За час до боя курантов, когда семья из трех женщин сидела за накрытым столом, в дверь позвонили, и на пороге появилась Римма:

– Вот, пришла поздравить, – развела она руками.

– Конечно, проходи! – Стала суетиться мама. – Правильно сделала, что пришла. Что тебе одной сидеть?

– Виталик улетел с друзьями. У него теперь новая жизнь, – махнула рукой свекровь и замолчала испуганно, понимая, как нелепо прозвучала эта фраза здесь.

– А у нас теперь у всех новая жизнь! – Улыбнулась мама.

– Ой, а я вам тут подарки принесла от Деда Мороза, – засуетилась свекровь.

Так и жили. Три бабушки души не чаяли в маленькой внучке. А она росла спокойной, улыбчивой девочкой. Радостно реагировала на знаки внимания. Улыбалась и тянула ко всем ручки.

Однажды погожим деньком, Вику отослали гулять с дочкой. Семейный совет решил, что молодой маме тоже полезен свежий воздух. Был выходной, зима подходила к концу, и март уже заявлял свои права, растопив грязные сугробы и добавив синевы небу. Клавочка спала в новом комбинезоне, подаренном коллегами, а Вика все не могла нарадоваться на свой новый полушубок, перешитый из маминой каракулевой шубы заботливой бабушкой. В нем она чувствовала себя королевой.

Остановившись на пешеходном переходе, Вика терпеливо ждала зеленого сигнала светофора, но большая черная машина остановилась у перехода и перегородила зебру.

Вика оглянулась в поисках поддержки, и в это время из джипа выскочила девушка и бросилась на шею Вике. От неожиданности и испуга Вика закричала и только тут узнала «нападавшую».

– Валюшка! Вот это встреча!

– А я смотрю: ты, не ты. Ты же, вроде, в другом районе жила? Переехала?

– Ну, да, – замялась Вика.

– Ой, и мы переехали! Представляешь, Геннасик в тайне от меня другой дом купил. У нас теперь бассейн. Огромный! Мы нашей Анжелике уже тренера нашли. Говорят, плавание не только тело развивает, но еще и ... – Валюшка задумалась, подбирая забытое слово. – Ай, да ладно! Короче, плавание – это полезно. А ты как?

– Все хорошо! Правда! Я так рада тебя видеть! – Чуть не расплакалась Вика.

– А приезжай к нам в гости? С мужем с девочкой. Кстати, а как вы ее назвали?

– Клабочкой!

– ??? Ни фиги себе! Вот это креатив!

– Да, нет! Никакого креатива. Любимая бабушкина певица была. Говорит, с ней победу одержали.

– А! – Неопределенно протянула Валюшка. И было не понять, то ли ей знакома Клавдия Шульженко, то ли она согласилась с именем Клава. – Короче, я очень хочу, чтобы вы к нам приехали. Номер у меня прежний. Позвони, встречу.

Валюшка, махнув полой золотистой шубки, уселась за руль и бодро газанула с места.

Вика загрустила. Ей тоже хотелось рассказать что –нибудь хорошее о своей жизни. Доложить таким – же бодрым тоном, что все у нее прекрасно: квартира новая, без бассейна, но просторная; муж снимается в новом фильме и его номинировали... На что там номинируют российских артистов? Она готовит свою авторскую программу на телевиденье...

В этот момент Клабочка открыла свои удивительные глазки и внимательно посмотрела на маму, как бы спрашивая:

– Ты о чем грустишь? Тебе мало меня? Я же больше чем счастье!

Вика засмеялась, наклонившись над дочкой, и почувствовала на себе, чей – то взгляд.

На соседней аллее стоял Виталий и смотрел на нее растерянно. Он ее испугался. Но Вика повела себя странно, – сама не ожидая такой реакции, – она улыбнулась и помахала бывшему мужу рукой, подзывая его к ним.

Виталий робко потоптавшись, пошел в их сторону, но, не дойдя пары шагов остановился.

Сколько раз Вика представляла их встречу! Как пройдет мимо, даже не бросив взгляд в его сторону, или скажет, что он для них с дочкой больше не существует, или, что им лучше быть одним, чем с таким трусом и предателем, но все вышло наоборот. Вика приветливо улыбалась этому испуганному мужчине. И не было в ее сердце и душе ни обиды, ни злости, ни любви. И куда все это делось?

– Иди, посмотри какая она хорошенькая! – Пригласила Вика Виталия, словно старого друга. – На тебя похожа.

– Да, мама мне говорила.

Он подошел и с каким – то трепетом стал рассматривать девочку. А та, словно почувствовав родственную душу, заулыбалась беззубым ртом. Отчего и Вика, и Виталий рассмеялись.

– А можно ее взять на руки?

– Конечно, она проснулась!

Он поднял дочку и в глазах засветились слезы.

Виталий уткнулся в детский капюшон, пытаясь справиться с волнением.

«Наверное, надо бы узнать, как он живет? Но мне почему – то все равно! Как быстро мы стали чужими, или и не были никогда родными!»

Клава, застыв, внимательно разглядывала мужчину, что так крепко держал ее на руках.

Я его сразу узнала, почувствовала своего папу. Только не понятно было, отчего его нет в нашей жизни? Отчего я засыпаю и просыпаюсь без него. Мне так хотелось услышать его голос, но он плакал и молчал. А я старалась сказать ему, что люблю его. Думаю, он понял! Так, как отстранил меня от себя и улыбнулся мне такой доброй улыбкой. Он тоже любит меня!

– Ты приходи к нам, когда захочешь! Можешь с Клавой погулять, если будет время. Хотя, нянек у нее достаточно.

– Какое у нее имя хорошее! Мне нравится!

– И нам всем нравится. Это бабушка моя назвала.

– Я приду, если можно?

– Конечно, ты же ее папа, – просто сказала Вика, чем вызвала новую волну эмоций у бывшего мужа.

«Тут обязательно должна звучать душераздирающая музыка, типа «Вечной любви», – подумала Вика, – и большими буквами надпись: КОНЕЦ ФИЛЬМА. Все счастливы, героиня победила».

Но победительницей Вика себя не чувствовала. Хотя волнение Виталия было неожиданно. Она думала, ему абсолютно безразличны и она и дочка. Со свекровью они эту тему вообще не поднимали, даже имени Виталика не упоминали.

К весне решили переезжать в деревню. Вика понимала, что всем там будет только лучше, но мысль, что надо будет расстаться с Клавочкой пугала. Она ощущала себя с дочкой, как единое целое. Чувствовала, даже на расстоянии, когда ее что-то тревожило. У нее постоянно перед глазами стояло хорошенькое личико дочки, и вечерами Вика торопилась с работы, чтобы немного поиграть с девочкой. Правда, удавалось это не так часто.

Телевидение, как властный господин, поглощало своих работников, заставляя их работать на себя, забывая о времени, семье, детях, праздниках. Те, кто не понимал и не принимал этот ритм, уходили. Оставались лишь те, что готовы были жить по законам своего любимого тирана.

И, надо сказать, таких было большинство. Весь их немногочисленный коллектив был словно один механизм. Каждый на своем месте и, в то же время, любой мог заменить коллегу. Конечно, не таких профессионалов, как Ринат и Майя Петровна. Майя вообще жила на студии, так, во всяком случае, казалось многим. К какому бы часу Вика не приходила на работу, ее всегда встречала Майя. Со своей вечной короткой стрижкой, в черных свитерах, и с неизменными браслетами.

– Майя, как вы ухитряетесь приходите к такому раннему часу и так отлично выглядеть? – Как – то спросила Вика в короткий перерыв на кофе.

– Мой дом тут. Это моя жизнь. – После молчания произнесла Майя. – Но иногда так хочется войти в квартиру и услышать там голоса и знать, что кто-то ждет тебя, волнуется и рад твоему приходу. У меня ничего этого нет. И уже никогда не будет. Так что радуйся, девочка, что успела родить, пока тебя не засосала эта работа. Да, любимая, но все – таки всего лишь работа. И когда она высосет из тебя все, что может, она выплюнет тебя на обочину и вот тогда будет по-настоящему страшно. Но я стараюсь об этом не думать. Слишком мрачная картина получается.

– Ну, что вы, Майя Петровна? Можно же путешествовать по миру! Встречаться с подружками, да мало ли в жизни прекрасного, которого мы даже не замечаем, потому что некогда голову поднять. – Вика постаралась подбодрить женщину.

– Подруг у меня нет. Как – то времени не было для дружбы. А из путешествий все равно возвращаются...

Несмотря на все старания сплоченного коллектива дела на канале шли не так, как хотелось бы Сычеву. Рекламодатели ждали, когда канал наберет силу. Их было не соблазнить даже большими льготами. Медийные звезды, которых приглашали в программы, узнав название нового канала, пожимали плечами и обещали подумать, но так и не перезванивали. Считалось, что если ты даешь интервью не на первых, то популярность твоя падает. Поэтому ярких шоу не получалось.

Сычев уже ругал себя за неосмотрительность, что зря послушал советчиков, которые говорили, что иметь собственный канал – это и прибыльно и престижно. Но прошло уже полгода, а, ни прибылей, ни престижа пока не наблюдалось. Ну, ладно, прибыль, о ней в первый год только дураки мечтают, но престиж – то, престиж! Ведь должен быть?!

На одной из деловых вечеринок, куда обязательно собирались все главные люди города, Сычев небрежно бросил, что создал собственный канал. Ожидая завистливых вздохов и взглядов. Но мужики недоуменно пожали плечами, а вот у спутниц блеснули глаза, но их интерес Сычеву был безразличен.

На той вечеринке он встретил Инну. Она стояла рядом с пирамидой из шампанского. Белое платье обтягивало все ее выпуклости и впадинки. Выпуклости впечатляли, и девушка это прекрасно знала. Взгляд был ищущий, хоть она и старалась придать себе независимый вид.

«Охотится! – отметил Сычев. – Ищет очередного папика! Предыдущий или оставил малышку ни с чем, или сам остался в другом городе, или мире!»

Платье, хоть и эффектное, но недорогое, а вот часики явно подарок: хорошая Швейцария, белое золото. Такие надо заслужить. Девушка повернула к нему свое ангельское личико и Сычев поплыл. Большие глаза смотрели таким трогательным, чистым взглядом, а пухлые губки соблазнительно полуоткрылись. И, кажется, его вид ее не отпугнул. Вон, даже улыбается ему. Точно ему, рядом с ним только официант остался. Не пришла же она сюда за официантом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.